

RU

Преемственность между творчеством поэтов «английской линии» Эдварда Томаса и Филипа Ларкина на фоне привычного пейзажа

Талызина Е. В.

Аннотация. Цель исследования заключается в том, чтобы показать преемственность между творчеством двух британских поэтов XX века, Эдвардом Томасом (1878-1917), известным при жизни как литературный критик и автор биографий и книг о сельской местности, и Филипом Ларкином (1922-1985), в рамках так называемой «английской линии» поэзии (отечественной, исконной традиции, которую стали выделять, чтобы противопоставить модернизму, пересматривая историю развития англоязычной поэзии XX века), в частности, что касается привычного пейзажа в их творчестве как места действия стихотворений и средства психологической поддержки. В статье проводится сравнительный анализ произведений обоих поэтов в этом аспекте. Научная новизна исследования состоит в том, что в России, где творчество Томаса малоизвестно, его влияние на более поздних поэтов и его связь с ними ещё не рассматривались. В результате показано, что Томас и Ларкин осознанно пришли к исконной английской традиции, их связывают с ней многие черты их творчества, причём, так как Ларкин был знаком с творчеством Томаса, оно, возможно, повлияло на него непосредственно. Что касается знакомого пейзажа, то, несмотря на его изменение с течением времени, оба поэта могли находить в нём поддержку и духовное просветление, а также источник патриотизма.

EN

Continuity between the creative work of the English line poets Edward Thomas and Philip Larkin against the backdrop of the familiar landscape

E. V. Talyzina

Abstract. The research aims to demonstrate the continuity between the creative work of two 20th-century British poets, Edward Thomas (1878-1917), known during his lifetime as a literary critic and author of biographies and books on rural life, and Philip Larkin (1922-1985), within the so-called English line of poetry (the national, ancestral tradition that began to be singled out in opposition to modernism, when re-examining the history of the development of 20th-century English-language poetry), particularly regarding the familiar landscape in their works as the setting for poems and a means of psychological support. The paper conducts a comparative analysis of the works of both poets in this aspect. The scientific novelty of the research lies in the fact that in Russia, where Thomas's writings are little known, his influence on later poets and his connection with them has not yet been considered. As a result, the paper reveals that Thomas and Larkin consciously arrived at the ancestral English tradition, and many features of their creative work link them to this tradition. Notably, since Larkin was familiar with Thomas's work, it may have directly influenced him. Regarding the familiar landscape, despite its changes over time, both poets were able to find support and spiritual enlightenment in it, as well as a source of patriotism.

Введение

Долгие годы в англоязычном литературоведении модернизм считался наиболее авторитетным направлением, оказавшим влияние на развитие английской поэзии XX века. Однако ближе к концу прошлого века акценты начали смещаться с «космополитического» модернизма на исконную английскую традицию в современной поэзии, которую литературоведы стали возводить к Томасу Харди. Самым очевидным «наследником» Харди среди поэтов второй половины XX века был назван Филип Ларкин. Но Эдна Лонгли предложила поэта – младшего современника Харди, Эдварда Томаса, в качестве «недостающего звена» между Харди и Ларкином (Longley, 1986, p. 113). Эндрю Моушен, сам поэт, назвал Томаса «одним из первых, и самых утончённых,

колонизаторов плодородной “золотой середины”, на которой утвердились многие последующие поэты» (Motion, 1991, p. 11) (здесь и далее перевод с английского – автора статьи. – Е. Т.). К этим последним он причисляет и Ларкина (Motion, 1991, p. 11).

Актуальность данного исследования заключается в том, что о роли того или иного направления, вкладе того или иного автора в развитие англоязычной поэзии XX века до сих пор не существует однозначного мнения.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи исследования: показать, как Э. Томас и Ф. Ларкин пришли к выбору «английской линии» поэзии; выявить черты «английской линии» в творчестве обоих поэтов; проследить изменения в привычном английском пейзаже и отношении к нему в творчестве Ларкина по сравнению с поэзией Томаса.

Материалом для исследования послужило поэтическое наследие Ф. Ларкина и Э. Томаса по изданиям:

- Larkin P. *Collected Poems* / ed. by A. Twaite. L.: Marvell Press & Faber, 1988.
- Thomas E. *The Annotated Collected Poems* / ed. by E. Longley. Tarsset: Bloodaxe Books, 2013.

Поэтический перевод стихотворений Ларкина “The Whitsun Weddings” («Свадьбы в Троицу») и “Here” («Тут») даётся в авторстве М. Алигер по книге:

- Из современной английской поэзии / сост. и предисл. В. А. Скороденко. М.: Прогресс, 1976.

Также в качестве иллюстративного материала привлекались некоторые высказывания обоих исследуемых авторов о поэзии по изданиям:

- Larkin P. *Required Writing: Miscellaneous Pieces 1955-1982*. L.: Faber, 1983.
- Thomas E. *In Pursuit of Spring*. L.: Thomas Nelson and Sons, 1914.
- Thomas E. *Prose Writings: A Selected Edition*. Oxford: Oxford University Press, 2023. Vol. IV. *Selected Writings on Poetry* / ed. by E. Longley.

Теоретическую базу исследования составили труд об «английской линии» (Ward, 1991) и работы англоязычных литературоведов, в основном о творчестве Ларкина и Томаса (Booth, 2005; Gilroy, 2009; Longley, 1986; 2000; Motion, 1982; 1991; Regan, 1992).

Ключевыми методами исследования стали: типологический, для выявления сходств и различий в мировоззренческих позициях Э. Томаса и Ф. Ларкина, их творческих принципах и произведениях, а также их связи с «английской линией» и друг с другом; историко-культурный, чтобы показать исторический контекст, в котором формировалось творчество обоих поэтов; метод целостного анализа литературного произведения для разбора стихотворения “Cut Grass” («Скошенная трава»).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могли бы использоваться в курсе истории зарубежной литературы, англоязычной литературы в целом или XX века на филологических или лингвистических факультетах вузов.

Обсуждение и результаты

Вышеупомянутую исконную английскую традицию впоследствии продолжили до У. Уордсворта и стали называть «английской линией». Характерными чертами поэзии «английской линии», с одной стороны, являются обращение к привычному и обыденному (когда в результате секуляризации постепенно исчезает вера в божественное провидение, привычное успокаивает, даёт чувство надёжности и уверенности), часто к знакомому пейзажу, природе; но, с другой стороны, бесцветность обыденности способствует скуке, отсюда, вероятно, неясное желание, которое трудно удовлетворить, меланхолия, причём часто смешение меланхолии и удовлетворения; когда природа находится под угрозой, возникает тоска по прошлому, по потерянному раю, и она усиливается в поэтах «английской линии» с течением времени. Эта поэзия обычно лирическая и субъективная, она выражает чувства и тревоги поэта и нередко пишется от первого лица. Она также характеризуется относительной простотой языка, близкого к разговорному. И Э. Томаса, и Ф. Ларкина (равно как и Т. Харди) относят к поэтам «английской линии» (Ward, 1991).

Томас и Ларкин имеют немало общего. Прежде всего, их поэзия, как и поэзия Томаса Харди, тесно связана с прозой. И Томас, прежде чем стать поэтом, и Ларкин вскоре после окончания университета пытались проявить себя в художественной прозе. Ларкин объяснил разницу между художественной прозой и поэзией: «Романы о других людях, а стихи о себе» (Larkin, 1983, p. 49). Художественную прозу Томаса можно назвать «прозой поэта»: его единственный роман исследователи называют автобиографическим (Motion, 1991, p. 22). Это в определённой степени справедливо и по отношению к двум романам самого Ларкина (Gilroy, 2009, p. 14; Motion, 1982, p. 40).

Обоих поэтов связывали с второстепенными поэтическими направлениями: Томаса – с «георгианцами» (поэтами, творившими в начале XX в., в правление Георга V), а Ларкина – с “The Movement” (досл. «Движение»; течение в английской литературе 50-х годов XX в.). Оба направления отражали изменение восприятия перед Первой мировой войной и после Второй мировой. Поэзия «георгианцев» явилась реакцией на викторианскую риторику и империалистическую пропаганду Киплинга; «Движение» – на общественно-политическую ориентацию большей части поэзии 30-х гг. Другую крайность представляли в первом случае – декаденты, а во втором – так называемые «апокалиптические» поэты (Longley, 1986, p. 116) (они же неоромантики, в годы Второй мировой войны описывавшие военный кошмар языком фантазии и грёз (Piette, 2007, p. 123)). Однако эмпирическая основа, к которой вернулись «георгианцы», – это наблюдение природы, в то время как поэты «Движения» больше опирались на наблюдение за человеческой натурой, и это различие отражается в поэзии Томаса и Ларкина.

Благожелательно настроенные критики выделяли Томаса из «георгианцев», а Ларкина из «Движения», отмечая более высокое качество их поэзии по сравнению с этими литературными течениями (Longley, 1986, p. 117).

Оба поэта высоко ценили поэзию Харди. Томас был одним из первых литературных критиков, оценивших её по достоинству (см., например, его рецензии на поэтический сборник Харди “Time’s Laughingstocks” / «Посмешища времени» (Thomas, 2023, p. 394-401)). Ларкин же, по его собственному признанию, придя к чтению стихов Харди, с облегчением заметил, что больше не должен стараться дотянуться до концепции поэзии, которая не имеет ничего общего с его жизнью, а может писать, исходя из собственного опыта (Larkin, 1983, p. 175). Оба отмечают печаль поэзии Харди (Thomas, 2023, p. 399; Larkin, 1983, p. 172), однако Томас поначалу не принимал его «самую тираническую одержимость слепотой Судьбы, безразличием Природы и незначительностью Человека» (Thomas, 1914, p. 194). И только война и ожидание отправки на фронт заставили его писать в духе Харди (например, “February Afternoon” / «Февральским днём»).

Война оказала влияние на поэзию как Томаса, так и Ларкина (Первая и Вторая мировая соответственно). Война была одной из причин, сделавших из Томаса поэта (см. ниже). Тем не менее до отправки на фронт в начале 1917 г. (где он погиб) он не видел военных действий. Все его стихи были написаны в Англии, поэтому война отражается в них косвенно. Вторая мировая война, которую Ларкин застал очень молодым человеком, по мнению некоторых исследователей, во многом повлияла на его творческое развитие, в его ранних стихах (например, в “New Year Poem” (Larkin, 1988, p. 255) / «Стихотворение на Новый год») слышны её отголоски (Regan, 1992, p. 72). Хотя Ларкин не подлежал мобилизации по зрению, он был свидетелем бомбардировок. Возможно, частично поэтому в его стихах часто звучит тема неизбежности смерти и страха перед ней, не только в поздние годы (“The Building” / «Здание», “Aubade” / «Альба»), но и в молодости (“Next, Please” / «Дальше, пожалуйста»). И, по-видимому, поэтому «одержимость» Харди беспомощностью человека перед силами природы была ему близка.

Есть и более прямые связи Ларкина с Томасом. Так, Томас входил в 12 поэтов – «образцов для подражания» Ларкина (Larkin, 1983, p. 86). В составленную им в 1973 году антологию “The Oxford Book of Twentieth Century English Verse” («Оксфордская книга английской поэзии XX века») Ларкин включил 9 стихотворений Томаса – довольно много по сравнению с большинством других поэтов, представленных в ней. В 1970 г. он рецензировал критическую биографию Томаса, написанную У. Куком (Larkin, 1983, p. 188-190). Рецензию он назвал “Grub Village”, что является аллюзией на Grub Street – когда-то, действительно, существовавшую лондонскую улицу, на которой квартировали литераторы низкого пошиба. Вероятно, это также аллюзия на роман английского литератора викторианской эпохи Джорджа Гиссинга (George Gissing, с которым Ларкин сравнивает Томаса) “New Grub Street” (досл. «Новая Граб Стрит»), повествующий о нравах викторианского литературного мира, в котором успеха добивается тот, кто угождает публике (Coombes, 1977, p. 181). Видимо, заголовок должен был намекать на печальную участь Томаса, который почти всю свою взрослую жизнь был литературным подёнщиком (a hack), при этом живя в сельской местности. Жизнь Томаса, по Ларкину, определили два несчастья: участь литературного подёнщика (поскольку он во что бы то ни стало хотел зарабатывать на жизнь литературным трудом) и ранняя женитьба с необходимостью содержать семью. И так он изнурял себя, производя низкосортную литературу, при этом, из любви к деревне, живя с минимальными удобствами. Но три фактора, сойдясь вместе, изменили эти обстоятельства: появление помещения вне дома для работы, знакомство и дружба с американским поэтом Робертом Фростом и начало Первой мировой войны. Именно Ларкину принадлежат слова о Томасе: «Результатом его полной ошибок и неудачной жизни внезапно стала умиротворённая и бесспорная кульминация» (Larkin, 1983, p. 190).

В отличие от Томаса, Ларкин не решился жить литературным трудом, всю трудовую жизнь проработав библиотекарем, причём 30 лет, с 1955 года до своей смерти, он жил в г. Кингстон-апон-Халл на севере Англии. Он боялся брака и так и не женился (хотя последние три года своей жизни провёл в одном доме со своей давней возлюбленной (Gilroy, 2009, p. 28)).

Что же касается «английской линии», то и Томас, и Ларкин сознательно искали некую непрерывную традицию в английской поэзии. Отмечают английский дух (досл. «английскость», Englishness) как самое очевидное общее качество их стихов (Longley, 1986, p. 117). Причём исконно английским качеством их поэзия обязана настроенным отношением к модернизму как к чему-то чуждому. Томас, прекрасно знавший современную ему литературу, чувствовал нечто чужеродное и неприемлемое в эстетике Паунда (см., например, его рецензию на поэтический сборник Паунда (Thomas, 2023, p. 392)). Ларкин в предисловии к своей книге “All What Jazz” («Всё, что джаз»), отвергая «Паркера, Паунда и Пикассо», критикует искусство, которое «не помогает нам ни наслаждаться, ни выстоять» (Larkin, 1983, p. 297).

Ларкин в 1955 году заявил, что каждое стихотворение должно создаваться как своя собственная Вселенная, поэтому он не верит в традицию или «общий фонд мифов» (как можно перевести употреблённое им слово “myth-kitty”) (Larkin, 1983, p. 115). Но, например, составляя антологию «Оксфордская книга английской поэзии XX века», он думал о существовании некой английской традиции, идущей от Харди, прерванной Первой мировой войной и огромным влиянием Йейтса и Элиота. Эта антология стала выражением некоего литературного патриотизма – попыткой прославить идеал, который Ларкин начал определять для себя во время войны (Motion, 1982, p. 29).

После начала Первой мировой войны Томас составил антологию военной литературы “This England: An Anthology from Her Writers” («Эта Англия: антология от её писателей»), снабдив её примечанием, что при выборе материала он исключал явно патриотические произведения, потому что «косвенная хвала милее и глубже» (Thomas, 2023, p. 647).

Творчеству обоих поэтов присущи многие черты «английской линии».

К простоте языка оба пришли не сразу. Томас долго не мог преодолеть влияния стиля Уолтера Пейтера, литератора-декадента, сторонника «искусства ради искусства». Но ещё до того, как стать поэтом, он выработал

свой идеал поэзии. Так, в рецензиях на поэтический сборник Фроста “North of Boston” («К северу от Бостона») он с одобрением отмечает «обыкновенную английскую речь» (Thomas, 2023, p. 631) автора и отсутствие в его языке «поэтических слов и форм» (Thomas, 2023, p. 636). (Следует отметить, что Фрост тоже входил в список «образцов для подражания» Ларкина (Larkin, 1983, p. 86).) Молодой Ларкин находился под влиянием символиста Йейтса (от чего он так и не смог полностью освободиться (Longley, 1986)). Однако литературоведы характеризуют язык его зрелой поэзии как разговорный, использующий много черт современной автору речи (Regan, 1992, p. 62). Причём разговорный вплоть до употребления обценной лексики (см., например, “This Be the Verse” (Larkin, 1988, p. 180) / досл. «Вот будет стих» или “Vers de Société” (Larkin, 1988, p. 181) / «Стихи о светском обществе», фр.).

Поэзия и Томаса, и Ларкина часто лирическая, написанная от первого лица, причём Ларкин иногда проецирует свои чувства на других, употребляя «мы» (например, “Next, Please” / «Дальше, пожалуйста», “The March Past” / «Прошедший марш», “The Trees” / «Деревья»). Некоторые его стихотворения, например “The Whitsun Weddings” («Свадьбы в Троицу»), “Dockery and Son” («Докеры и сын»), “Aubade” («Альба»), начинаясь с «я», потом переходят на «мы».

Тема неясных стремлений, желаний, которые практически невозможно удовлетворить, нередко встречается в творчестве Томаса и Ларкина. Так, например, оба заняты поисками «дома» в глубоком смысле, неведомого и недостижимого, Томас в стихотворении “Home”, оно же “Not the End” («Дом» / «Не конец»), а Ларкин – в стихотворении “Places, Loved Ones” («Места и любимые»).

Тем не менее кажется, что разработка таких тем Томасом немного более тонкая и жизнеутверждающая, чем у Ларкина, так как динамика его поэзии изредка позволяет герою прикоснуться к его цели или, по крайней мере, приблизиться к ней (Longley, 1986, p. 127), как, например, в “I never saw that land before” («Век те края не видел я»), где лирический герой «некой цели вдруг достиг» (досл. «прикоснулся», “some goal / I touched then” (Thomas, 2013, p. 120)). Ещё в одном стихотворении под названием «Дом» (оно же “Often I Had Gone” / «Ходил я часто») он говорит о знакомой сельской местности: «То дом был» (“Twas home” (Thomas, 2013, p. 81)).

Что касается искания поддержки в привычном из-за нехватки веры, то Томас и Ларкин в ней нуждались, поскольку оба были агностиками. Томас не получил в семье религиозного воспитания. По мнению исследователей, агностицизм Ларкина, как и многих представителей его поколения, сформировался во время Второй мировой войны, на годы которой пришлось их взросление (Regan, 1992, p. 70). В раннем стихотворении (1943 г.) Ларкина “A Stone Church Damaged by a Bomb” («Каменная церковь, повреждённая бомбой») лирический герой восхищается церковью, потому что когда-то она, казалось, бросала вызов природе и превосходила её (“Planted deeper than roots... / Among always-dying trees...”, “taller the elms” (Larkin, 1988, p. 269) – «посаженная глубже корней... / среди всегда умирающих деревьев», «выше вязов»). Теперь, когда она повреждена, герой вопрошает, можно ли воссоздать это ощущение.

У Ларкина была репутация неизменно депрессивного поэта. Как считает Э. Моушен, то, что привело литературных критиков к такому мнению, – это отсутствие у поэта веры в проверенные абсолюты и прежде всего в «самый освящённый временем абсолют из всех» (Motion, 1982, p. 60) – религию. То же самое можно сказать и о Томасе. Ларкину служат поддержкой знакомые общественные ритуалы (см., например, “Church Going” / «Захаживая в церковь», “The Building” / «Здание»). Томас обычно ищет опоры и утешения в природе, в сельской местности, где происходит действие большинства его стихотворений. Чувства Томаса к природе могут давать ему квазирелигиозную (хотя не особенно убедительную в силу его скептицизма) веру в то, что силы природы, как, например, ветер в стихотворении “The Mountain Chapel” («Горная часовня») существовали до и будут существовать после человека и деяний его рук. Для Ларкина же привычная, знакомая обстановка – это часто город.

Авторскую позицию и тон некоторых стихотворений Ларкина можно описать как «агностический стоицизм» (Longley, 1986, p. 130) (например, “Wires” / «Провода», “Dockery and Son” / «Докеры и сын», “Toads” / «Жабы»). Это относится и к Томасу, обращающемуся к стоицизму в наиболее мрачных стихотворениях, таких как “Home” (“Not the End” / «Дом» («Не конец»)) или “Gone, Gone Again” («Прошли, прошли опять»). Но часто он, если и не справляется с ситуацией, то, по крайней мере, принимает её более позитивно и даже чувствует некое удовлетворение: «...наполовину влюблён в боль... / и в слёзы и в радость» (“...half in love with pain... / with both tears and mirth”, “Liberty” (Thomas, 2013, p. 104) / «Свобода»), «доволен недовольством» (“content with discontent”, “The Glory” (Thomas, 2013, p. 87) / «Слава»). Поэт способен находить радость в самых прозаических вещах, например, ему нравится «Пыль на крапиве стойкостью своей» (“the dust on the nettles, never lost”, «Крапива» / “Tall Nettles” (Thomas, 2013, p. 119)).

Похожее качество исследователи отмечают и у Ларкина, говоря, что, например, его поздние элегии “The Building” («Здание») или “Aubade” («Альба») вызывают трагический, но жизнеутверждающий катарсис, и таким образом «Поэзия превращает бедственное положение в наслаждение» (Booth, 2005, p. 5).

Интересно сравнить в этом плане два стихотворения, действие которых происходит на рассвете, позднее стихотворение Ларкина «Альба» (“Aubade”) и «Петухи» (“Cock-Crow”) Томаса. В первом место действия, видимо, город (пригород), во втором – сельская местность. Оба стихотворения написаны рифмованным пятистопным ямбом, хотя «Альба» состоит из пяти десятистрочных строф («наследие» Йейтса) (в предпоследней строке каждой строфы пятистопный ямб становится трёхстопным), а «Петухи» – из двух четверостиший. В «Петухах» лирический герой, проснувшись, слышит пение двух петухов, при этом представляет себе двух трубочей, возвещающих приход «великолепия» (восхода солнца), но тут же возвращает себя на землю: последняя строка стихотворения – это отдельное предложение “The milkers lace their boots up at the farms” (Thomas, 2013, p. 101)

(«Доярки надевают башмаки»). Лирического же героя Ларкина на рассвете одолевают мысли о смерти, которая неизбежно ожидает всех людей, что так трудно принять. Вот, наконец, начинается подготовка к рабочему дню. Последняя строка – это тоже отдельное предложение, но в городском контексте, оно тоже возвращает в реальный мир, но из кошмара, поэтому несёт утешение: “Postmen like doctors go from house to house” (Larkin, 1988, p. 209) («Почтальоны, как врачи, ходят от дома к дому»). Следует отметить, что пение петухов слышится «из леса мыслей, что в ночи растёт» (“Out of the wood of thoughts that grows by night” (Thomas, 2013, p. 101)), – тоже, вероятно, невесёлых.

“Spring” («Весна») Ларкина и “The Wind’s Song” («Песня ветра») Томаса – «весенние» сонеты (хотя последний написан рифмованными двустопиями). В обоих лирический герой переживает, возможно, творческое бесплодие. У Ларкина герой называет себя “an indigestible sterility” (Larkin, 1988, p. 39) (досл. «неудобоваримая бесплодность»), у Томаса сравнивает своё сердце с сухим деревом (Thomas, 2013, p. 118). В «Весне» действие происходит в людном парке, где дети, взрослые, собаки, птицы радуются майскому солнцу. Первый терцет преувеличенно превозносит весну, называя её «самой превозносимой дочерью земли» (“the earth’s most... exalted daughter” (Larkin, 1988, p. 39)), но во втором терцете герой, по-видимому, причисляет себя к тем, кому от весны «меньше всего пользы» (“those she has least use for” (Larkin, 1988, p. 39)).

Герой же Томаса, которого весна не радовала, чувствует духовное возрождение, слыша «песню ветра» среди сосен на холме (Thomas, 2013, p. 118).

Однако, несмотря на то что утешение в «Деревьях» (“The Trees”) Ларкина исследователи считают «двусмысленным» (Motion, 1982, p. 61) – деревья тоже умирают, – в стихотворении заключается вдохновляющее послание не отчаиваться: каждую весну, покрываясь листвой, деревья будто бы говорят: “Begin afresh, afresh, afresh” (Larkin, 1988, p. 166) («Начинай вновь, вновь, вновь»).

Некоторые литературоведы утверждают, что в Англии Томаса отсутствуют приметы его времени, такие как поезда, телефоны или океанские лайнеры (Gervais, 1996, p. 41). На самом деле поезда упоминаются в двух стихотворениях поэта, включая знаменитый «Эделстроп» (“Adlestrop”). Но в основном Англия Томаса – это южные графства, особенно Гемпшир, где он прожил с семьёй много лет, исчезающая старая сельская Англия сезонного ручного труда (“As the team’s head-brass” / «Латунный блеск на сбруе», “Haymaking” / «Сенокос»), пахарей, бродяг (“Man and Dog” / «Человек и собака») и даже углежогов (“The Penny Whistle” / «Свистулька»). Привычный пейзаж для него – это сельская местность, место действия большинства его стихотворений: холмы, поля, леса, ручьи, фермы, живые изгороди, просёлочные дороги, заброшенные меловые карьеры (“The Chalk-Pit” / «Меловой карьер»). Томас часто описывает растительность и птиц. Там, на лоне природы, обычно в уединении, его лирический герой переживает моменты откровения (epiphanies). Но, может быть, из-за войны, в этой Англии, в её природе чувствуется скрытая угроза, над ней витает что-то мрачное, как в овраге из одноимённого стихотворения (“The Combe”), где «был убит барсук» (“they killed the badger” (Thomas, 2013, p. 48)).

У Ларкина действие обычно происходит в городе, часто среди людей. Природу он видит из окна вагона поезда, в парке, в пригороде. Литературоведы считают, что зрительные образы его поэзии узнаваемо описывают Англию после Второй мировой войны. Его пейзажи сочетают сельские и городские элементы «лугов и пшеничных полей, градирен, каналов, новых жилых комплексов и рекламных щитов» (Regan, 1992, p. 62).

Ещё при жизни Ларкина литературный критик Колин Фальк (Falck) написал, что в его поэзии «нет моментов откровения (epiphanies)» (Цит. по: Longley, 1986, p. 122). Это не так. И, возможно, самый известный момент откровения в поэзии Ларкина, в стихотворении “The Whitsun Weddings” («Свадьбы в Троицу»), происходит в поезде, среди множества людей. Лирический герой, отправившийся из Халла в Лондон, видит из окна поезда типичный пейзаж конца 1950-х гг., в котором сочетаются элементы сельской Англии Томаса (фермы, пасущийся скот, живые изгороди, трава, чей запах доносится до него) и современные герою черты, как «акры» автомобильных свалок при подъезде к неизвестному городу. В конце путешествия, когда поезд затормозил, чувствуется свободное падение, и это чувство «подобно ливню стрел» (Из современной английской поэзии, 1976, с. 347) (“like an arrow-shower” (Larkin, 1988, p. 116)), который где-то становится дождём. «Ливень стрел» ассоциируется со стрелами Купидона (Motion, 1982, p. 78; Regan, 1992, p. 117), а некоторые литературоведы видят в нём аллюзию на победоносный град стрел английских лучников в битве при Азенкуре в знаменитом фильме Лоуренса Оливье по пьесе Шекспира «Генрих V» (Regan, 1992, p. 117; Booth, 2005, p. 146).

Один из самых известных моментов откровения в поэзии Томаса, в стихотворении «Эделстроп», тоже происходит в поезде, случайно остановившемся на маленькой безлюдной станции в Оксфордшире в погожий летний день, когда лирический герой в окно видит мирный сельский пейзаж и слышит пение чёрного дрозда, которому, кажется, отвечают все птицы Оксфордшира и соседнего Глостершира (Thomas, 2013, p. 51).

Стихотворение Ларкина “Here” (Larkin, 1988, p. 136-137) («Тут») – это «паломничество» (возможно, на автомобиле) из промышленного города в центральных графствах на восток, через поля, заросшие чертополохом, «К стогам и зайцам, к пугалам, к фазанам» (Из современной английской поэзии, 1976, с. 334), через портовый город (судя по всему, Кингстон-апон-Халл), где многочисленные обыватели устремляются в супермаркеты за вожделенными товарами по сниженным ценам, и дальше, мимо пригородов с новостройками, пшеничных полей и глухих деревушек, туда, где царит тишина, и, наконец: «За маками – лазерная ширь / С причудливо покрытым галькой краем. / Лицом повёрнут к солнцу этот мир, / Неогорожен и недосыгаем» (Из современной английской поэзии, 1976, с. 335) (“And past the poppies bluish neutral distance / Ends the land suddenly beyond a beach / Of shapes and shingles. Here is unfenced existence: / Facing the sun, untalkative, out of reach” (Larkin, 1988, p. 136-137)).

Исследователи творчества Ларкина считают, что мало найдётся стихотворений XX века, которые выражали бы такое наслаждение чувством быть живым, как «Свадьбы в Троицу» и «Тут» (Booth, 2005, p. 5). И, наконец, эти стихотворения имеют привкус того, что Томас в статье о военной поэзии назвал «мистическим патриотизмом» Блейка (Longley, 1986, p. 124; Thomas, 2023, p. 640), как у самого Томаса в стихотворении «Дом», когда лирический герой, вернувшись вечером в хорошо знакомую местность, чувствует своё единство с птицами: «...мы – одних кровей, / Я и пернатые певцы, / Одних корней» (“...one nationality / We had, I and the birds that sang, / One memory” (Thomas, 2013, p. 81)).

В стихотворении “Going, Going” («Уходит, уходит») Ларкин горько сетует, что, кажется, образ «старой доброй Англии» останется лишь в книгах и картинных галереях, а “all that remains / For us will be concrete and tyres” (Larkin, 1988, p. 190) («всё, что остаётся / нам, будет бетон и автомобильные покрышки»). Но на его долю досталось кое-что от «Англии Томаса».

Так, например, в стихотворении Ларкина “Coming” («Приближение») “A thrush sings / Laurel-surrounded / In the deep bare garden... / It will be spring soon” (Larkin, 1988, p. 33) («Дрозд поёт / в окружении лавров / в глубоком голом саду... / Скоро будет весна»). Это перекликается с «Мартом» (“March”) Томаса, в котором пение дроздов за час до заката даёт лирическому герою понять, что “Spring returns, perhaps tomorrow” (Thomas, 2013, p. 35) («весна вернётся, возможно, завтра»).

Однако, вероятно, наиболее приближается по духу к поэзии Томаса стихотворение Ларкина “Cut Grass” («Скошенная трава»), изящная миниатюра из трёх четырёхстрочных строф, написанных двустопным ямбом:

Cut grass lies frail:

Brief is the breath

Mown stalks exhale.

Long, long the death

It dies in the white hours

Of young-leafed June... (Larkin, 1988, p. 183). /

«Скошенная трава лежит, хрупкая: / коротко дыхание, / которое выделяют скошенные стебли. / Долгой, долгой смертью // Она умирает в белые часы / июня в молодой листве...».

“High-built cloud” («высокое облако») звучит в духе Йейтса, но и ассоциируется с “high cloudlets” («высокими облачками») из стихотворения «Эделстроп» Томаса (Longley, 2000, p. 202). Однако ассоциации с «Эделстропом» на этом не заканчиваются. Это и сама скошенная трава (в стихотворении Томаса присутствуют и трава, и стога сена), и перечисление названий растений (что совершенно нехарактерно для Ларкина, в отличие от Томаса), и то, что действие происходит в июне (хотя у Томаса это конец июня, а в «Скошенной траве», судя по цветущим каштанам и белой сирени, самое начало). В этом случае, к тому же, поэты поменялись позициями наблюдения: Томас видит пейзаж из окна поезда, а Ларкин на сей раз находится где-то «на природе», пусть это пригород того же Кингстона-апон-Халл. Рифма “June” – “strewn” ассоциируется со стихотворением Томаса «Сенокос», где есть такая же рифма. А народное название дикой моркови “Queen Anne’s lace” (досл. «кружева королевы Анны») вызывает в памяти “Old Man” (досл. «Старик»; народное название полыни лечебной из одноимённого стихотворения Томаса). Размер же и лёгкое чувство сентиментальной печали напоминают стихотворение Томаса “The Mill-Pond” («Мельничный пруд»).

Заключение

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Существует определённая преемственность между поэзией Эдварда Томаса и Филипа Ларкина. Оба, хотя и не сразу, сознательно выбрали исконную английскую поэтическую традицию, которая позже стала известна как «английская линия», к чему их могло подтолкнуть неприятие крайностей в творческих принципах бытовавших в их время поэтических течений, желание приблизить поэзию к жизненному опыту и, возможно, пример одних и тех же поэтов (Харди, Фрост).

2. Поэзии обоих присущи характерные черты «английской линии»: относительно простой и современный авторам язык, неясные, неутолимые желания, меланхолия, принятие печальных ситуаций и даже нахождение в этом некоего удовлетворения или катарсиса, обращение за тематикой и моральной поддержкой к обыденному и привычному, в том числе к знакомым пейзажам, английской природе. Эти сходства можно объяснить похожим мировоззрением Томаса и Ларкина (агностицизм, скептицизм) и, несмотря на разные эпохи, в которые они жили и творили, сходными событиями в момент их формирования как поэтов (война), а также похожими ситуациями в современной им поэзии. Поскольку Ларкин знал и ценил поэзию Томаса, она могла оказать на его творчество и непосредственное влияние.

3. Независимо от того, что Ларкин застал значительное преобладание городского пейзажа над сельским, что отразилось в творчестве поэта, он, как Томас, умел черпать утешение в природе, переживать моменты откровения на её лоне и истинно патриотические чувства.

В конце книги Уорда об «английской линии» упоминается современный британский поэт Эндрю Моушен как пишущий в том же ключе (по крайней мере, в начале своей поэтической карьеры) и продолжающий традицию Ларкина и Томаса (Ward, 1991, p. 193). В рассмотрении его творчества с этой стороны могли бы заключаться дальнейшие перспективы исследования.

Источники | References

1. Booth J. Philip Larkin: The Poet's Plight. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.
2. Coombes H. English Literature Made Simple. L.: W. H. Allen & Company, 1977.
3. Gervais D. Literary Englands: Versions of "Englishness" in Modern Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
4. Gilroy J. Philip Larkin: Selected Poems. Penrith: Humanities-Ebooks; LLP, 2009.
5. Longley E. Poetry & Posterity. Tarsset: Bloodaxe Books, 2000.
6. Longley E. Poetry in the Wars. Newcastle upon Tyne: Bloodaxe Books, 1986.
7. Motion A. Philip Larkin. L.: Methuen, 1982.
8. Motion A. The Poetry of Edward Thomas. L.: The Hogarth Press, 1991.
9. Piette A. Keith Douglas: Poetry of the Second World War // The Cambridge Companion to Twentieth-Century English Poetry / ed. by N. Corcoran. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
10. Regan S. Philip Larkin: The Critics Debate. Basingstoke: Macmillan Press, 1992.
11. Ward J. P. The English Line: Poetry of the Unpoetic from Wordsworth to Larkin. L.: Macmillan, 1991.

Информация об авторах | Author information**Талызина Елена Викторовна¹**¹ Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»**Elena Viktorovna Talyzina¹**¹ Samara University of Public Administration "International Market Institute"¹ elanor68@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 07.08.2024; опубликовано online (published online): 13.09.2024.

Ключевые слова (keywords): Эдвард Томас; Филип Ларкин; английская линия в поэзии; преемственность между творчеством поэтов; привычный пейзаж в поэзии; Edward Thomas; Philip Larkin; English line in poetry; continuity between the work of poets; familiar landscape in poetry.